

CR

Один день Гермионы Рен

Ольга Рэйн

ФАНТАСТИКА

— Мама, мама, папа мне смешал кокопопсы с колечками, — жалобно говорит Хлоя, выбегая из комнаты со своей желтой миской-динозавром.

— Минутку, — произношу я, отхлебывая чай, растягивая ногу и не отрывая взгляда от страницы новостей на стекле кухонного шкафа.

— Ну, мама, — стонет Хлоя. — Пожалуйста! Мультик на паузу не поставили, там сейчас инопланетяне высаживаются.

— О'кей! — Я поворачиваюсь к ней, выхожу в коридор. Она не может зайти в кухню — там Стены нет.

— Что не так, мартышка?

Хлоя тычет пальцем в желтое динозаврово нутро, где живописно перемешаны несколько видов хлопьев.

— Он забыл, а ты ему не напомнила! Я больше не люблю колечки! Только кокопопсы!

Я вздыхаю, вспоминая. Кокопопсы насыпаются из большой коробки с рисунком лукаво улыбающегося кролика и по внешнему виду один в один напоминают сушеное кроличье дерьмо. Но шоколадное.

Морщась от боли в ноге, я присаживаюсь, чтобы наши глаза были на одном уровне, потому что когда-то прочитала этот совет в книжке по детской психологии, из всей книжки только его и запомнила.

— И что же мне теперь делать?

Хлоя смотрит на меня серьезными серыми глазами.

— Выбери колечки. Отсортируй.

Ага, утренняя игра в Золушку. Мешок зерна и мешок чечевицы.

— Или так: ты можешь просто их не есть, отодвигать в сторону ложкой.

Хлоя думает несколько секунд, потом мотает головой. Не может.

— А я не хочу кокопопсы! — кричит Зак из комнаты. — Мне их выбери и отдай Хлое.

— Так, что за шум? — в коридоре появляется Джошуа. Он выбрит, причесан и уже в белой рубашке и галстук — сегодня в офисе серьезная встреча, он мне вчера говорил. Мне радостно смотреть на него, он красивый. Я помню его одеколон, помню запах его кожи, даже запах изо рта по утрам, до того, как он чистил зубы. Кто бы мне сказал, что по всему этому я буду так неистово скучать.

— Маму не дергайте сегодня, — говорит Джошуа, приседая рядом со мной. — У мамы сегодня нога болит сильно. — Он быстро косится на меня, я киваю. Поначалу удивлялась — откуда он знает, потом спросила, и он объяснил, что видит мелкие сокращения мышц, когда я сплю, следит за движением век, определяет мое состояние по дыханию.

— Колечки! Не хочу! Выбери! — чеканит Хлоя с вызовом. Джошуа улыбается и проводит над миской рукой. Колечки исчезают, как и не было.

— Ура! — кричит Хлоя и убегает по Стене в комнату, откуда слышно веселое фырчание инопланетян.

— А мне? А мои хлопья? — ноет Зак под торжествующее хихиканье Хлои.

— Я пойду разберусь, — улыбается Джош. — Потом их одену и соберу в школу. А ты иди под душ, расслабься, потом сними ногу, разотри ибупрофеном.

Я киваю, с усилием поднимаюсь с колен. Опереться бы о его руку, но он просто стоит у Стены, смотрит на меня, поворачивается, чтобы идти к детям. Хромая, я забираюсь по лестнице, залезаю в душ, сажусь, отстегиваю ступню.

Вода горячая, напор сильный. Можно закрыть глаза, опустить волосы на лицо, вода наполняет их, как будто на лице текущая маска. Как будто мира нет, а есть только тепло, темнота и влага, как в утробе. Вот-вот я опять рожусь и мама опять назовет меня Гермионой, потому что за неделю до ее родов вышла последняя книжка про Гарри Поттера и мама два раза ее прочитала и очень впечатлилась.

Дети весело визжат внизу, я слышу голос Джошуа — он рассказывает одну из своих обычных шуток про шмеля и пылесос. Шутки повторяются — ну так они у него и раньше повторялись.

Я одеваюсь, щедро растираю культу гелем. Доктор Бавади, мой ортопед, предлагал «умный» протез, с врезкой в нервную систему, но из-за фантомных болей пришлось ставить обычный, съемный. Оно и к лучшему. Проще. Легче в уходе. Дешевле. А на Стену тогда уходило каждое пенни.

Спускаюсь вниз я уже совсем не хромая. Все семейство ждет меня у Стены, улыбаясь. Джошуа накинул пиджак и выглядит как модель из каталога деловой одежды (*примеч. для кодир. — в обычные дни предпочитает неформальный стиль: футболка-поло (темная, без рисунка) и джинсы, а костюм и галстук — только в дни официальных встреч, собеседований и совещаний*).

На Хлое зеленое форменное платье в клетку и белые гольфы (*примеч. — в холодные и/или ветреные дни дополнить зеленой кофтой*). Джош заплет ей косы идеально, волосок к волоску, никогда он ей их так не заплетал, всегда вихры торчали.

Я закусываю готовый вырваться всхлип, давлюсь им, как отравленным яблоком, загоняю его обратно в горло. Нечего расклеиваться, сама решила себе еще и вот такой протез поставить.

Зак, поглядывая на меня, деловито пихает в карман Серого Мыша, тот не влезает, высовывается, хвост свисает вдоль штанины (*примеч. — С.М. — любимая игрушка, часто берет с собой в садик, всегда в постель (не засыпает без), любит кормить мороженым (добав.*

разводы на морде), левый глаз заменен пуговицей, черной, 1/2 дюйма).

Я смотрю на них, замерев на последней ступеньке. Долго смотрю.

Джошуа отвечает на мой взгляд, пожимает плечами.

— Фантомные боли в области сердца, — говорит он. — Езжай на работу, отвлечешься. После работы в супермаркет.

Я киваю.

— В холодильнике кончились помидоры, — сообщает он. — У куриного карри еще вчера истек срок годности, можешь, конечно, его съесть, но на свой страх и риск, если купишь дополнительный рулон туалетной бумаги. — Он смотрит на меня внимательно и строго. — И водки купи, — говорит наконец. — Положи в морозилку сразу. Вечером мне спасибо скажешь. Пора начинать день, иди сюда. Где твоя маска?

— Наверху, — говорю я. — Не пойду за ней, я так, глаза закрою.

Я захожу в тактильную зону и чувствую легкие прикосновения моих детей. Они гладят меня по рукам, по шее. В маске я бы чувствовала и их теплые поцелуи на щеках. Зак все норовил чмокнуть в нос. Мы раньше так смеялись.

— Пока, мамочка, — говорят они. — Хорошего тебе дня. Нам в школе будет здорово!

Джошуа крепко сжимает мои плечи.

— Ты умница, — говорит он нежно. — Хорошо держись. До вечера!

Я слышу хлопок входной двери, тихий рокот э-кара, шипение, когда он отходит от дока и уходит вверх по улице. Если не открывать глаз и не думать о динамиках, симулирующих эти звуки, то иллюзия почти совершенна. Я в ней живу и ее же продаю.

Я усаживаюсь, чтобы натянуть на протез кожаный лофер. Мода ходит кругами. Такую же обувь носили в десятые годы, когда я была еще совсем маленькой. У мамы сохранилась пара почти новых, с ума сойти, тридцать лет хранила, но она вообще мало что выбрасывает.

Как обычно, мысли о маме тут же притягивают ее внимание, золотой дельфинчик-наушник в моем ухе дребезжит вызовом. Я вздыхаю и отвечаю.

— Привет! Ага, все нормально. Собираюсь на работу. Да, позавтракала. Мама, я ем, честно. И ужинаю. И пять порций в день овощей. Вчера? Горошек, помидор, яблоко и еще дрянь какую-то из регидратора. Водоросли, что ли. Ой, мам, мне тридцать четыре года! Да знаю я, знаю, у меня у самой де... Ну ладно, мам. Хорошего тебе дня. Папе привет.

Я трогаю э-кар кольцом, дверь с тихим шипением отходит, двигатель оживает, экран расцветает. Кольцо у меня одно, обручальное, оно же платежка, оно же ключ.

Мама носит с десятков разных, несколько платежных от разных банков, некоторые очень красивые, с камнями. Есть у нее и ключ от моего дома, только она его больше не носит. С тех пор как установили Стену, она ни разу не переступила мой порог. Она очень, очень не одобряет. Однако звонит каждый день.

Папа иногда приезжает, но только когда я дома, и дверь сам не открывает, стучится. Джошуа, Зак и Хлоя тогда уходят на второй этаж, тихо ждут там, пока я их позову. Мы пьем с папой чай у темной Стены, говорим о погоде.

— На работу, — говорю я, э-кар закрывается, отходит от дока. Я замечаю, что второй док начинает выглядеть неухоженным и потемневшим, как будто там никто не паркуется уже года три. Когда врешь себе с таким размахом, как я, внимание к деталям очень важно, и я наговариваю в заметки: «Почистить второй док». Появившиеся на экране буквы выделяю красным.

Э-кар несет меня по М-три в потоках лондонцев, спешащих на работу из предместий. Я поглядываю вокруг. Кто-то смотрит новости, кто-то дремлет, большинство, как я, готовится к рабочему дню. Я встречаюсь глазами с плохо покрашенной мрачной теткой из синего, более медленного ряда. Она курит и, заметив мой взгляд, вызывающе выдувает дым в мою сторону. Меня обдает потоком неприязни, обидной и незаслуженной. Ну да, меня кар довезет до работы за полчаса, а ее почти за час, но моя фирма может себе позволить оплачивать ценному сотруднику дорожную оранжевую полосу... Меняй работу, дура. И парикмахера.

Покачив головой, возвращаюсь к экрану, просматриваю сообщения.

Сообщение 1. Герми, я наконец уговорила Мартина и Таню на особый уик-энд у моря, мы, кажется, в Портсмуте, но из номера особо не выходили, тут джакузи, ну, понимаешь :))) все волшебным, наверное, останемся на понедельник, когда еще удастся так повеселиться, планирую еще восемь оргазмов, открой мои заметки, не помню, назначен ли у меня клиент на понедельник, чмоки, Эмбер.

Сообщение 2. Солнышко, прикрой меня на работе, я потом объясню, не доберусь до офиса в понедельник, век буду благодарна, целую, люблю, Таня.

Сообщение 3. Дорогая Гермиона, мне очень неловко, но я совсем разболелся. Сказал бы об этом по телефону, но голос совсем сел. В понедельник пойду к врачу, не могла бы ты проверить мое расписание, кажется, есть клиенты. Мартин.

Глубоко вздыхаю. Я сердита на своих безответственных коллег, но и рада за них, мне смешно вспоминать их тайные взгляды и прикосновения друг к другу невзначай, и все эти улыбки, исполненные особого смысла. А часть меня (небольшая, но сильная) мучительно завидует их простым страстям и свободе их изъяснения. Я говорю себе, что все в порядке, офисный день пройдет нормально, лишь бы не было потока клиентов, с которыми мне придется иметь дело.

Офис-планировщик: Прием клиентов в офисе компании «СТЕНА» на понедельник, 6 мая 2041 г. — записано 5 человек, в 10.00, 12.00, 13.30, 16.20 и 18.00.

Черт. Черт. Черт.

— Как видите, иллюзия пространства проработана до мелочей, — говорю я в четвертый раз за день, проводя последнего клиента в демозал и стараясь не хромать. «16.20» позвонил и перенес на следующую неделю, но так как был вот этот, на шесть, домой пораньше уехать не удалось. Время провела с пользой: лепила концепт для частного детского садика — Стена Муми-Троллей, прелесть что такое, особенно Снусмумрик выходил как живой. Но очень устала, соскучилась по домашним, и нога опять разболелась.

Доктор Артур Уилсон идет по залу, словно зачарованный. Я прислоняюсь к колонне, переношу вес с левой ноги, улыбаюсь. Необыкновенное зрелище — человек,

который впервые видит Стену. Его глаза за стеклами очков раскрываются широко, как у ребенка, он сбивается с шага, он оглядывается в изумлении. Демонстрационный зал большой, как спортзал в средней школе. Я стою с пультом переключения между четырьмя стенами. В первой стене шумят папоротники, древние деревья стоят до лиловых небес, летают огромные стрекозы, и малютка-стегозавр размером с э-кар застенчиво хрустит гигантской шишкой. Он и вправду милый, большеглазый такой, зелененький. Пахнет сырой землей и странными растениями. В кустах шуршит, доктор Уилсон испуганно оглядывается на меня. Видно, что переживает за малыша, а ведь есть и такие, что надеются на Ти-Рекса и спрашивают, будет ли запах крови. Я мотаю головой.

— Это его мама или братья, больше в этой Стене никого нет.

Земля вибрирует. Мама-стегозавр выходит степенно, медленно машет шипастым хвостом. Кричит призывно, смотрит на нас. Я щелкаю пультом, Стена выключается, мир исчезает.

Доктор Уилсон переводит дыхание. Он симпатичный, очень. Рыжеватый, стриженный, с короткой ухоженной бородой. Лет сорока пяти. Я надеюсь, что он пришел за чем-нибудь интересным и полезным, а не за виртуальным борделем с тактильной БДСМ-зоной.

Хотя не мне, конечно, кого-либо судить. Если бы я ему рассказала, что за Стена у меня дома, и попросила сравнить с сегодняшним полуденным клиентом, наверняка он отшатнулся бы от меня сильнее, а потом пошел и помыл бы руку, которой пожимал мою.

Клиент в двенадцать, между прочим, желал Стену с расширенной комплектацией тактильной зоны и демоническими женщинами с тремя вагинами, одна из которых между грудей. Образ был сильный и яркий, а клиент дотошный и занудный, и я мысленно пожелала Эмбер, которая наш специалист по сексуальным утехам, чтоб у нее такая выросла, потому что все это с клиентом должна была проговаривать она, а не я.

— Я знаю, как Стена впечатляет, — говорю я. — Иллюзия очень сильна. Если у вас есть идеи и ожидания, мы будем рады их услышать. — Я говорю «мы», потому что обычно наша команда гораздо больше, просто по офису пронеслась... небольшая эпидемия (похоти и свинячества). — Если у вас... особые, приватные желания, то Эмбер будет рада их услышать завтра или в любой другой день. Она очень хороший и опытный специалист, и мы на рынке давно, нас трудно шокировать.

Доктор Уилсон усмехается.

— Нет-нет, я хотел для дочки... Ей четырнадцать. В их школе перестраивают дормы, я думал проспонсировать что-то особенное. Она любит подводный мир, лошадей, эту новую модную мальчишескую группу, где у всех солистов шрамы на лбу.

— «Авроры добра», — подсказываю услужливо. — Я бы не рекомендовала именно это направление для Стены. Музыкальная Стена — очень серьезное решение, не для всех. Из восьми, которые мы сделали за эти годы, пять потом пришлось перекодировать на другие концепты, а одной Стене клиент нанес гитарой... повреждения, несовместимые с гарантией. Хотя оригинал, сама книга, — очень популярная тема. Только в прошлом году мы установили три Хогвартса. Два Главных Зала и одну Необходимую Комнату. Так как код на них уже сведен и концепты написаны, можно организовать хорошую скид-

ФАНТАСТИКА

ку. (Ха, получи, свинья Мартин, твоя-то премия только за сведение кода.) Таня, наш финансовый консультант, может вам предложить очень привлекательные расчеты. Возможна также отсрочка платежа, многие банки работают с нами, и кредитная ставка...

— А вы что делаете? — мягко перебивает меня он.

— Я — директор по концептам. Расписываю тех, кто живет в Стенах. Какие они, как себя ведут, как реагируют, как обучаются. Что любят, что знают. Потом мы сводим код и они оживают. Потом мы планируем тактильные зоны — для физического контакта. Наше особое достижение — тактильно-виртуальные маски...

Артур Уилсон кивает и смотрит на мои губы. Я нервничаю все сильнее.

— Давайте я вам покажу вторую Стену, — торопливо говорю я, поднимая пульт. — Алиса в Зазеркалье. Труляля и Траляля очень смешные. И поют, но не все время. С классикой невозможно промахнуться, правда?

Он все смотрит.

— Алиса была одним из моих первых проектов (третьим, после Хлои и Зака). Ребенок с точки зрения концепта и сложнее, и проще взрослого...

Он поднимает руку и кладет ее на мою, поверх пульта.

— Я увидел достаточно, — говорит он. — Наверняка у вас есть несколько готовых образовательных Стен под ключ.

Я тупо киваю.

— Давайте мы продолжим деловую беседу за ужином, Гермiona. Расскажите мне про себя, про свои самые интересные проекты. Как вы вообще пришли в этот бизнес?

Я пришла в этот бизнес очень неожиданно. Рекламу компании «СТЕНА» показывали по телевизору в психиатрическом отделении, где я сидела на диване под круглосуточным надзором медсестер «Вахта суицида». Передо мной были журнальный столик с закруженными краями и шахматная доска. Дежурная темнокожая медсестра подошла, сурово меня осмотрела и забрала с доски ферзей и ладьи. Отошла на несколько шагов, задумалась, вернулась, забрала остальные шахматные фигуры.

Я захихикала, пытаюсь представить себе ее логику, а также способы самоубийства с помощью ферзя. Фантазия меня никогда не подводила, а после утренних уколов смеялась я особенно легко.

Когда реклама «Стены» кончилась, я перестала смеяться. Я внезапно поняла, что мне нужно. И на что я хочу потратить свою компенсацию.

Когда я пришла в офис, села за сенсорный стол, поставила кончики пальцев на его теплую шершавую клавиатуру и начала писать про свою семью, выяснилось, что у меня талант.

Талант лепить концепты. Талант вызывать к существованию несуществующих сущностей.

Талант видеть и любить тех, кого нет.

Но разве это — тема для ужина с милым и умным голубоглазым доктором, который так смотрит на мои губы?

Я отнимаю руку и вежливо отказываюсь.

Э-кар везет меня домой. Я так устала, что даже тихо постанываю. Потом громче, когда вспоминаю, что дома нечего есть и Джошуа специально напоминал мне про магазин.

— Остановись у Теско, чтоб его! — говорю я в потолок.

— Повторите направление, — говорит кар строгим женским голосом. Я повторяю, ругаясь теперь только про себя.

С тележкой идти легче — можно перенести часть веса на колеса и волочить ноги. Я беру пачки с полок, прижимая этикетки платежным кольцом. Потом замираю.

Я держу в руках желтую пачку «кокопопсов» с ненавистным кроликом, который крупными буквами предлагает выиграть поездку в Парижский Диснейленд (*на два дня для семьи максимум из четырех человек*).

Я кричу, и бросаю пачку на пол, и топчу ее своим протезом, она лопается, и коричневые хлопья разлетаются по белому мрамору, я поскользываюсь на них и падаю, выворачивая искусственную ступню.

У меня была, была семья минимум из четырех человек, и максимум из четырех человек, и мы ехали, безо всяких кроликов ехали на два дня в гребаный Диснейленд на гребаном монорельсе, и Хлоя бегала по вагону и восторженно пищала третий час, а мы с Джошем переглядывались и улыбались, а Зак заснул в кресле, обнимая Серого Мыша, и вот тогда гребаный машинист решил не тормозить на гребаном повороте, и вот вам, получите вместо Диснейленда гору мяса, и, конечно, нельзя выбрасываться с балкона хирургии, и вешаться в туалете тоже не стоит, вот мы тебя привяжем к кровати и сделаем укольчик, ну и как мы сегодня, за окном солнышко?

Ко мне бежит растерянный охранник — он не привык к истерическим срывам и конфликтным ситуациям, поэтому и не знает, что со мной делать. За ним бежит менеджер — это Келли, мы дружили в детстве, ее дочка была с Хлоей в одном классе, она что-то ему говорит и бросается ко мне.

— Ш-ш-ш! — говорит она, садится на пол и обнимает меня, гладит по спине, как маленькую. А я все норовлю пнуть желтую пачку хлопьев здоровой ногой. — Ш-ш-ш, успокойся! — говорит она, а сама плачет. А я не плачу. Больше нечем.

Она отводит меня на парковку, помогает залезть в кар. Пакеты с покупками уже лежат в салоне, принесенные заботливым охранником.

— Спасибо, — говорю я, не глядя на нее. Не могу себя заставить посмотреть ей в глаза. Она понимает, гладит меня по руке и дает кару команду «домой».

Э-кар паркуется с мягким толчком. Я почти выползаю из салона, оставляю в нем все пакеты, кроме главного — с водкой. На крыльце сидит моя свекровь Мэри, смотрит в никуда.

Ее бывший муж, отец Джошуа, проклял наш дом и меня лично страшным проклятием за ужасное надругательство над памятью и богопротивное... бла-бла. Сказал, что на милую к нам не подойдет. Но Мэри приезжает раз

в неделю, иногда чаще. Всегда без звонка, всегда виновато, как будто приходит за чем-то постыдным, но без чего не может. Как будто я ее дилер.

— Ну чего ты, постучалась бы, Джошуа бы открыл, — говорю я.

Мэри вздрагивает и морщится от того, что я называю систему управления домом и главный персонаж моей Стены именем ее сына. Но она не может перестать хотеть его видеть, не может перестать хотеть испытывать мою иллюзию. Дверь открывается, как только сенсор на входе замечает меня.

— Мама! Бабушка! — Зак и Хлоя бегут к нам по Стене. Уже поздно и они в пижамах. Из комнаты выходит Джош, улыбается нам.

— Можно? — спрашивает Мэри. Я киваю. Уложи их спать, бабушка. Сядь и спой колыбельную двум картинкам на стене, мальчику и девочке.

— Спокойной ночи, мамочка, — говорит Хлоя. — Я тебя так ужасно люблю.

— Обнимайка! — Зак идет на меня, раскинув руки, как медвежонок. Я закрываю глаза, присаживаюсь в тактильную зону, обнимаю его крепко-крепко. Они убегают, топоча по лестнице. Мэри идет за ними медленно, тяжело поднимаясь на каждую ступеньку.

В комнате я падаю в кресло, отстегиваю протез, поднимаю ногу на другое сиденье. В той части комнаты, которая в Стене, рядом садится Джошуа.

— Выглядишь устало, — говорит он.

Я киваю, отвинчиваю крышку с бутылки водки, делаю большой глоток прямо из горла. Морщусь. Жду расслабляющего тепла.

— Сама элегантность, — говорит Джош насмешливо, но нежно. — Продукт многих поколений настоящих английских леди. Что, такой тяжелый день?

— Ага, — говорю я. — Ты бы меня взял и отнес наверх на ручках, вот было бы хорошо.

— Я бы отнес, — кивает он. — Но мы не то чтобы в одном измерении.

— Ну да. Никакого тебя нет в моем измерении. Никого тут нет.

— Доктор Артур Уилсон есть, — говорит Джошуа с улыбкой. Я аж подпрыгиваю в кресле. — Он звонил шестнадцать минут назад. Оставил очень заинтересованное сообщение. Послушаешь?

Я мотаю головой. Нет, нет.

Сверху спускается Мэри, заходит в комнату проститься. Она немного дрожит и смотрит на Джошуа голодными измученными глазами, как будто она ползет по пустыне, а он — водяной столб. Когда дверь за ней закрывается, Джошуа поворачивается ко мне.

— Когда-нибудь ты нас выключишь, — говорит он. — И пойдешь дальше.

Я опять мотаю головой. Нет, нет. Никогда.

— Иди в спальню, — говорит он. — Спорим, я тебя обгоню?

— Мое сердце бьется только для тебя, — говорит он, покусывая мою шею. — Помнишь нашу старую песню?

— Оно не бьется, — говорю я, упрямая, вместо того, чтобы отдаться потоку, отдаться иллюзии, отдаться Джошуа. — Его разрубило обрезком обшивки вагона, потом оно сгорело в крематории вместе с кусками наших детей, потом пепел ссыпали в урну, а урну я замуровала в Стену. — Оно не бьется, и ты не настоящий.

Он пожимает плечами. Тактильная зона здесь, в спальне, имитирует запахи, разброс небольшой, но они есть. Его тело и дыхание пахнут мятой.

— Что есть реальность? — спрашивает он, нависая надо мной на выпрямленных руках. — Где настоящая ты? Как ее можно узнать? Знаешь ли ее ты сама? Знали ли Джош настоящую тебя? Или только ту, что ты сама для него рисовала? Выдавала ему по кусочку — в словах, в жестах, в прикосновениях?

Он начинает двигаться ритмично, мое дыхание учащается.

— Откуда ты знаешь, что из этих разрозненных, неполных кусочков он склеивал правильную картинку? Что, если бы ситуация была наоборот и он бы написал *твой* концепт, ты бы себя узнала и признала собой? Что, если нет? Что, если да?

Почти помимо моей воли мое тело выгибается, пальцы сгребают край простыни. Чего уж там, этот Джошуа, вылепленный из латекса, графена и полишелка сенсорами тактильной зоны и программы Стены, куда эффективнее моего Джошуа, из плоти, крови и кожи. Он не устает, не опадает, не сбивается с ритма, у него нескончаемая stamina и пятнадцать интимных режимов, выбираемых автоматически по отслеживанию обратной реакции. Он все всегда делает как надо.

— Опять ты плачешь, — говорит он чуть огорченно.

— После соития всякая тварь грустна, — отвечаю я.

— *Post coitum omne animal triste est*, — переводит он. Я с беспокойством думаю, что Джош не знал латыни, а значит, и этот не может. Откуда же?

Он улыбается.

— Я не грустен.

ФАНТАСТИКА

— Ты и не тварь. Ты... никто. Сомнительный никто с подозрительно быстрой обучаемостью.

Он целует меня, садится, улыбаясь.

— Как же не тварь? — говорит он. — Ты меня сотворила. Все вы друг друга сначала творите, а потом любите.

— Я так по тебе скучаю, — говорю я. — Уходи. Я хочу снять маску и спать. Иди опять в Библиотеку Конгресса и читай тома по психологии, возможно, на латыни, ты ведь это делаешь, когда уходишь?

— Я это делаю прямо сейчас, — ухмыляется он, — я нелинеен.

Нелинейный Джошуа целует меня в щеку, встает с кровати и уходит в Стену. Лунный свет играет на мускулах его плеч и ягодиц.

Я снимаю маску и лежу одна в темноте.

Еще не сплю. Уже не плачу. Просто смотрю.

